

Альбина Горшина

Безотцовщина

Альбина Горшина

Безотцовщина

«Автор»

2026

Горшина А.

Безотцовщина / А. Горшина — «Автор», 2026

«Безотцовщина» — трогательная история о девочке, которая учится понимать, что такое настоящая семья. Октябрь. Школьная перемена. Жестокие слова одноклассников: «Безотцовщина... Из пробирки...». Для десятилетней Элины, это звучит как приговор. В пятом классе отсутствие папы кажется невосполнимой пустотой, будто у тебя не хватает важной детали для счастья. Но дома её ждёт мама. Яблочный пирог с корицей. Тёплые объятия. И тихая мудрость: «Семья — это не те, кто есть в паспорте. Семья — это те, кто рядом, когда тебе больно». Когда приходит время школьного проекта «Моя семья», Элина вместо гляцевых фотографий и громких историй создаёт простой ватман с названием «Моя крепость». На нём — их обычная жизнь с мамой: пицца на полу, снеговик во дворе, смех на кухне. И правда, которая сильнее любых насмешек.

© Горшина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Безотцовщина

Глава

Часть 1.

Осень, шёпот и первый удар

Октябрь в нашем городе никогда не приходит по календарю. Он стучится в окна раньше, чем листают страницы, и узнаётся не по дате, а по запаху. Сначала это тонкая струйка дыма от старых печей, что тянется над крышами домов, в нашем поселке. Потом влажная, почти грибная земля, пропитанная ночными дождями, а потом уже горьковатая сладость опавших листьев, которые ветер гоняет по асфальту, словно золотые кораблики по серой, бесконечной реке. Я люблю эту пору, люблю за шуршание листьев под подошвами, за туманное утро, когда фонари на улице Ленина отключаются ещё до звонка будильника, окутывая тротуары первыми лучами солнца, за то, как воздух становится прозрачным и свежим. Но в этом году осень пришла не с уютом, она принесла с собой тихий, ледяной сквозняк, который поселился где-то под рёбрами и не хотел уходить.

Наша школа стоит возле речки Ардымке, за старой железной оградой, увитой диким виноградом. Стены помнят ещё семидесятые годы, говорят, здесь учились сами наши учителя и моя бабушка, хотя я её не застала. Высокие окна с потрескавшимися рамами каждое утро отражают небо, то хмурое почти свинцовое, то пронзительно-голубое, словно вымытое дождём. Внутри пахнет мелом, хлоркой, старой бумагой и чем-то неуловимо родным, что остаётся только в коридорах, где время течёт медленнее. На второй перемене, когда звонок ещё звенел в ушах, а лестницы и коридоры гудели от шагов, мы с девочками устраивались возле окна, где солнце греет. Там всегда было теплее, и никто не видит, как мы делимся секретами, пережёвывая бутерброды и перешёптываясь о том, что кажется самым важным на свете: о новых кроссовках, о сериалах, о том, кто кого пригласил на день рождения.

Катя сидела посередине, как всегда — громкая, уверенная, с безупречным хвостом и маникюром, который блестел даже в тусклом свете ламп. Она рассказывала, как отец учил её кататься на роликах по набережной, как подхватывал, когда она падала, смеялся, а не ругал, как покупал ей защитные наколенники с рисунком единорогов, хотя сам терпеть не мог «эти девчачьи штуки». Голос её звучал так, будто она не просто делилась воспоминанием, а показывала нам билет в какой-то другой мир, где всё просто, понятно. Я слушала, кивала, улыбалась, когда нужно, и чувствовала, как внутри начинает нарастать то самое, знакомое напряжение. Оно приходило всегда, когда речь заходила об отцах. Не потому что мне было завидно. А потому что у меня не было слов, чтобы объяснить то, чего у меня нет.

Потом её взгляд скользнул в мою сторону, резкий, цепкий, как крючок.

— А твой папа куда тебя водит? — спросила она у меня. Просто так, как спрашивают о погоде, но в её глазах плясали те самые искорки, которые я уже научилась читать. Это был не интерес, это была готовность к укусу.

Я опустила глаза на потёртый линолеум, на трещину, что тянулась от плинтуса к центру, будто шрам, оставленный временем. Пальцы сами собой вцепились в лямку рюкзака. Воздух стал густым и тяжёлым.

— У меня нет папы, — сказала я, тихо. Будто боялась разбудить что-то спящее внутри неё.

Тишина повисла на секунду, плотная, как туман над рекой, когда вода ещё не замёрзла, но уже дышит холодом. Потом она рассмеялась, смех был не злым, будто не осознанным. А растерянным, глупый смех тех, кто внезапно нашёл у другого слабость и не знал, что с ней теперь

делать. Поэтому она просто рассмеялась, чтобы снять напряжение повисшее между нами. Кто-то фыркнул и сказал

— Значит, ты безотцовщина?

Катя, уже жалея, но не умеющая остановиться, подхватила.

— Или из пробирки рождённая. — Её слова падали, как камни в воду, оставляя круги, которые расходились по мне, по моей коже, по памяти, оставляя неприятный осадок.

Я не ответила ей на колкость, не потому что нечего было сказать. А потому что любое слово в тот момент стало бы подтверждением их правоты. Я просто встала, мои колени дрожали. Поправила ляжку, чтобы не выглядеть побеждённой, и пошла в класс. Её слова прилипли к спине, как репейник после прогулки по придорожному бурьяну.

— Нет папы. — В пятом классе, это звучало не как факт, а как приговор. Как будто у тебя не хватает важной детали, без которой механизм счастья не запустится. Как будто ты книга, у которой вырвали первую главу, и теперь никто не поймёт, о чём она.

Я шла по коридору, смотря как за окнами ветер гоняет по школьному двору ворохи листьев, как скрипят голые ветки берёз, как где-то вдалеке, за мостом, гудят машины. Наш посёлок, ещё утром казавшийся таким родным и тёплым, вдруг стал совершенно чужим. Стеклянным, отражающим только моё одиночество. Я вышла на улицу, и холодный воздух ударил мне в лицо, заставляя глаза слезиться. Дорога домой пролегла через старый квартал, где дома стояли плечом к плечу, как старые друзья, не нуждающиеся в словах. Между дворами и покосившимися заборами пробивались последние астры и бархатцы, жёлтые и оранжевые, будто кто-то рассыпал монеты по земле. Я шла медленно, переступая через лужи, в которых дрожал отблеск неба, разорванный на куски ветром. Я знала каждую выбоину, каждый фонарный столб, каждую лавочку, где весной сидели старушки в платках и смотрели на прохожих, как на кадры из старого кино. Но сегодня всё это казалось декорацией к кому-то сериалу, а за ней скрывалась пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.